

Июна
ХМЕЛЕВСКАЯ

JOANNA CHMIELEWSKA

WYŚCIGI

Ирина
ХМЕЛЕВСКАЯ

Беза

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44
Х65

Серия «Всё красное» выходит с 2013 года

Joanna Chmielewska
Wyścigi

Перевод с польского *Л. Стоцкой*

Оформление — *Александр Шпаков*

Хмелевская, Иоанна.

Х65 Бега : [роман] / Иоанна Хмелевская ; пер. с польского Л. Стоцкой. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Всё красное).

ISBN 978-5-17-091241-4

Азартная пани Иоанна страстно любит лошадей и бега. Но, как она сама объясняет новичкам, выигрыш зависит не от лошади и не от жокея. Первой к финишу придет та лошадь, на которую поставили таинственные воротилы игорного бизнеса. Можно только гадать, кто они: мафия или высокопоставленные чиновники... Но в один прекрасный день махинации вдруг прекратились: лошади на бегах стали приходить к финишу именно так, как положено! Лучшие стали приходить первыми! Худшие — последними! Для варшавского ипподрома это не просто чудо — это крайне подозрительно...

Случилось так, что Иоанна наткнулась в кустах на труп жокея и оказалась втянута в круговорот странных происшествий. Полиция на сей раз приветствует участие неугомонной пани в расследовании...

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-091241-4

© Joanna Chmielewska
© Перевод. Л. Стоцкая
© ООО «Издательство АСТ»

Метя нес страшную бредятину. Слушать это было невыносимо, и я вежливо попросила его прекратить, потому как в противном случае буду вынуждена врезать по уху или еще что нехорошее сделать.

Юрек, мой свойственник, сидевший впереди, повернулся ко мне.

— Эй, слушай, а он нормальный? — спросил Юрек подозрительным шепотом.

— Кто?

— Этот, ну тот... который тут сидел только что...

Метя как раз удалялся прочь, радостно хихикая.

— Нет, — сказала я твердо. — То есть в частной жизни, разумеется, он вполне в себе, но здесь на него находит затмение мозгов. Да ты ведь и сам слышал.

Юрек покачал головой вроде как с укоризненным восхищением, словно размах упомянутого затмения мозгов показался ему весьма внушительным, а потом повернулся к стеклянной перегородке. Пан Мариан вылил чай отчасти себе на штаны, а немного на программу и бинокль и настырно требовал тряпку. Пришла пани Ядзя и вытерла поручни, снисходительно выразив ему свое сочувствие.

Я сидела на своем месте, злая как черт, и пыталась вызвать в себе хоть капельку активности. Я должна немедленно пойти к директору и рассказать ему о том, что видела. Ведь я собиралась сделать это еще перед заездами, но тогда директора не было, а теперь мне категорически расхотелось. Необычное и подозрительное явление совершенно перестало меня касаться, потому что сперва я обязана была смириться с собственным идиотизмом и обуздать бешенство на самое себя. Ведь знала же я, что первый заезд выиграет дурацкая Эйфория, самая скверная лошадь на свете, не столько даже скверная, сколько весьма старательно скрытая по части таланта от глаз публики. Ведь я ее угадала, я была совершенно уверена, что играть надо ее одну, и, ясное дело, не стала о нее руки марать! Дубина стоеросовая. Ослица. Балда африканская.

Балда не балда, а событием, которое меня отвлекло и усугубило мой нормальный кретинизм, мне бы надо озадачить не столько себя, сколько кого-то компетентного. Этого мне еще не хватало, черти его принесли, а мне аккурат сегодня прогулок захотелось...

На пленэр за фонтаном я отправилась, чтобы проверить, созрел ли барбарис. В рамках своего помешательства на зелени я собирала всякие травки и открыла два куста барбариса, которых издалека не было видно, потому что их заслоняла высокая трава. Один куст был поменьше, но зато поближе. Второй, покрупнее, тонул в крапиве и казался совершенно неприступным, и все-таки я питала надежду, что как-нибудь до него доберусь.

Я специально приехала пораньше, чтобы посмотреть на роскошный кустище, который караулила еще с прошлого года. Отметив в кассе свой триплет, я помчалась в

заросли. Я быстро пересекла пустой газон; вода в фонтане текла звучно и приятно, солнце вышло из-за тучки и вызолотило сентябрьский пейзаж. Было тихо, красочно и спокойно.

Я скатилась с маленького холмика, пробралась сквозь высокую траву, отыскала сухие места на подмокшей земле и принялась зигзагами приближаться к густым зарослям черемухи пополам с терновником, которые заслоняли от меня желанный барбарис. Притоптав крапиву, я развела ветки в стороны, осмотрела кустик, что был поближе и поменьше, и почувствовала страшное разочарование. Ягоды, правда, уже начинали созревать, но их было очень мало, нищета страшная, какие-то несчастные две-три ягодки поблескивали между листьями, а если вспомнить, что ровно столько было и в аккуратно подстриженной живой изгороди на газончике... Как мне помнилось, тот, второй куст был богаче, и я поняла, что, ничего не попишешь, придется добираться до него.

Попытавшись продраться напрямик, я обстрекалась крапивой в трех местах сразу и отказалась от прямого пути. Обходя куст слева, я через несколько шагов запуталась в чаще крапивы. Где-то внутри у меня стало нарастать ослиное упрямство. Я обошла эти джунгли вокруг, попробовала подойти справа; под ногами сделалось мокро и топко, но в совсем уж бездонное болото я не поверила, упрямо продираясь дальше. Крапивы тут было поменьше, и мне наконец удалось над высоченной травой увидеть ветки.

Оказалось, что предчувствия меня не обманули. Этот куст барбариса обещал больше, чем первый. Дальше я протискиваться не стала, но уже знала, что именно сюда и приду, когда маленькие розовые ягодки сделаются со-

вершенно красными. С прошлого года куст еще разросся и превратился в густые заросли.

Я внимательно смотрела, чтобы оценить на глазок будущую свою добычу, и мне показалось, что, кроме зелени, я вижу еще нечто странное. Увлеченная природой, я дважды скользнула взглядом мимо, не принимая во внимание того, что видела. Посмотрев в третий раз, я осознала, что вижу ноги.

Ноги, самые настоящие ноги, в штанах и мужских ботинках, лежали под кустом барбариса. Вернее говоря, они из-под куста торчали. Ноги были совершенно точно человеческие. Переборков минутное обалдение, я решила, что они не отрублены и дальше должно быть какое-нибудь туловище. Потом меня охватило удивление, что при такой пасмурной погоде кто-то еще решился загорать, и я в душе раскритиковала саму идею загорать в колючих кустах на мокрой земле. Но сразу опомнилась и собственные мысли обозвала идиотскими. Какое там загорать, кто загорает в одежде, да и солнце-то вышло минут десять назад, а до тех пор были сплошные тучи, кроме того, загорают на лужайке возле цистерны с водой. Какой-то алкаш заснул в барбарисе.

Явление это весьма обычное. Я осмотрелась вокруг и обнаружила тропинку в крапиве. Это меня очень обнадежило, я решила, что путь к красненьким ягодам может оказаться легче, чем я думала. Пробираясь к тропинке, я еще раз бросила взгляд на спящего алкаша, и вдруг в лучах солнца под кустом что-то будто польхнуло. Я поколебалась, остановилась, а потом осторожно приблизилась к тому месту, где, по моим предположениям, покоилась верхняя часть этого пьянчуги.

Может, я бы его и вовсе не узнала, и мне даже не пришлось бы в голову, что вижу Дерчика, кабы не его исклю-

чительный экстерьер. Он был нечеловечески рыжим и чудовищно веснушчатым, при этом рыжина была такой яркой, что глазам при одном взгляде становилось больно. На солнце его покрытая густыми кудрями голова светилась, как уличный фонарь, а я достаточно часто лицезрела эту картину, чтобы запомнить ее как следует. Лица его я сейчас как следует не разглядела, да оно, пожалуй, и к лучшему, поскольку его состояние на данный момент противоречило эстетическим идеалам, и рыжей шевелюры мне хватило с лихвой. Только полное недоверие к собственным глазам позволило мне не завопить, не грохнуться в обморок и не рвануть прочь напролом через крапиву, болото и колючки. Я обошла заросли вокруг и быстро вернулась в павильон.

По-прежнему не решаясь поверить в то, что видела, я прочитала вывешенный на стене список жокеев. Дерчик значился во втором заезде, его фамилия черным по белому красовалась на листе. Я все еще перечитывала объявление, когда подошел курьер и вывесил рядом с первым листком второй. На новом листке вместо Дерчика во втором заезде был заявлен старший ученик Гоморек.

— А дальше? — спросила я с интересом.

— Что “дальше”? — подозрительно переспросил курьер.

— В следующих заездах. Дерчика заменил Гоморек во втором, а ведь Дерчик и в следующих едет. О, вот: в четвертом...

— Распоряжений пока нет. Да он еще и прийти может.

В чем в чем, а в том, что он не придет, я была абсолютно уверена. Я стала обдумывать положение.

В любом другом месте и при любых других обстоятельствах я без малейших колебаний оповестила бы

всех встречных и поперечных о печальной находке в барбарисе знакомого, оказавшегося холодным трупом. А теперь как-то засомневалась. Что будет, если хоть малая толика собравшейся тут толпы помчится в кустарник и на лужайку? Что будет, если, не дай бог, вообще отменят заезды? Что будет, если меня отсюда увезут как самого важного свидетеля и не позволят принять участие в любимом моем развлечении?

На самом-то деле наиболее правдоподобным предположением могло быть только это последнее. Никакая отмена заездов в расчет входить не может, при одном таком предположении присутствующая тут публика была бы способна разнести трибуны на мелкие кусочки. По лужайке носиться тоже никто не станет, люди заняты другими вещами и не станут забивать себе головы мелочами. А вот меня могут и забрать, это уж точно... Кроме того, я вдруг осознала и еще один аспект рассматриваемой проблемы. Я же в настоящий момент единственный человек, который точно знает, что Дерчик, вне всяких сомнений, ни в одном заезде не поедет. Не поедет он и в шестом заезде. У меня есть шанс сколотить себе небольшое состояние, сыграв триплет на лошадях, оставшихся от Дерчика. Так может, лучше немного помолчать?..

Для начала я отказалась от мысли сколотить состояние — и совсем даже не потому, что неэтично было бы стервятнически наживаться на внезапной кончине Дерчика, это-то как раз мне представлялось со всех сторон почтенным и правильным делом, — а по двум другим причинам. В пятом заезде, который должен был входить в состав триплета, бежали девять лошадей, и ничего иного не оставалось, как играть “стенку”. Это раз. Во-вторых, перед кассой триплетов клубилась дикая

толпа. Я не выношу толчеи, и это заставило меня бесповоротно отказаться от обогащения таким способом.

Тут же я отказалась и от того, чтобы молчать как рыба. Мне пришло в голову, что Дерчика в конце концов найдет кто-нибудь другой, немедленно разразится скандал и о моем пребывании за фонтаном станет всем известно. Я там столько травы потоптала, что никто не поверит, будто я могла упустить из виду такую все же таки крупную деталь пейзажа, и на меня падут бог знает какие подозрения. Нет, слишком уж много риска.

Я решила устроить все как-нибудь потихоньку, камерно и тактично. Врач на месте, полиция, если приедет, к себе внимания привлекать не станет, поскольку вызывание по мегафону некогда к милиции, а теперь к полиции происходит в наши дни так часто, что всем уже на это плевать. Может быть, сенсации и удастся избежать...

— Что такое? Гоморек? — сказал вдруг кто-то за моей спиной с большим интересом. — А не Дерчик? Это меняет положение вещей...

— Дерчик не едет? — оживился кто-то другой. — Но это значит, что у этой лошади появился шанс?..

Все это время, стоя под вывешенным на стене списком жокеев, я раздумывала. Приняв решение, я покинула списки и отправилась на поиски директора.

От пани Зоси я узнала, что директора пока нет, он приедет попозже. Заместителя тоже нет, его сегодня вообще не будет. Складывалось все из рук вон плохо, я подумала было о руководителе бегов, заглянула наугад в несколько комнат, и мне сообщили, что руководитель бегов пошел в расчетный отдел. Расчетный отдел находился далеко. Остался еще один разумный человек — судья на старте, — который мог взять дело в свои руки

и расправиться с ним по-умному. Лошади бродили по паaddockу, а я оставила павильон дирекции и отправилась в контору.

Никто из праздношатающихся в проходах между зданиями не смог ответить мне на вопрос, пришел ли Еремиаш. Меня это не удивило, я спрашивала без особой надежды. Начиналась игра, игроков Еремиаш не интересовал, он никогда в жизни не выдал даже крохи сведений о том, в какой форме лошади и какие у них шансы, о пари, заговорах и интригах; сам он не играл, игрой совершенно не интересовался, чем и славился много лет. Никого не касалось, тут Еремиаш или нет.

Я добралась почти до дверей конторы, когда из них выбежал маленький мальчуган. Должно быть, местный. Я его поймала.

— Слушай, не знаешь, где пан Еремиаш?

— Нет, — ответил мальчуган. — Ну да. Не знаю. Был и ушел куда-то.

Он тяжело дышал, дрожал и бросал во все стороны перепутанные взгляды. Я с удивлением сообразила, что этот ребенок смертельно испугался чего-то. Он оглянулся на двери здания, вырвался у меня из рук и удрал. Помчался он в сторону лошадиных боксов. Я неуверенно заглянула в двери, все еще думая, что же он там мог увидеть такого страшного, но увидела только двух выходящих оттуда мужиков. Одного из них я знала.

— Скажите, панове, вы, случаем, Еремиаша не видали? — спросила я безнадежно.

— Еремиаша? Да ведь вроде как он только что был, а? — ответил тот, кого я знала.

— Был да сплыл, — поправил его второй. — Кажется, он на конюшнях.

Я вперлась еще в весовую, куда посторонним лицам вход был воспрещен, и убедилась, что Еремиаша и там нет. Времени искать его на конюшнях у меня не было, поскольку конюшни занимают площадь свыше ста гектаров. Жокеи выходили с седлами, двое на минутку остановились, я оказалась у них за спиной и услышала всего три слова:

— Почему? — спросил один с явным удивлением.

— Василь велел, — буркнул второй.

Жокеев я видела со спины, поэтому узнала их больше по цветам камзола, чем по фигуре. Сарновский и Бялас. Едут прямо сейчас в первом заезде.

Директоров не было. Еремиаша не было. Руководитель бегов блуждал где-то в голубой дали. В конце концов меня это рассердило, нет так нет, у меня и так много дел, а тут бегай за административными работниками! Могу и подождать, вместо того чтобы заниматься оповещением кого следует. Я посмотрела на фонтан — там не было ни живой души, царило полное спокойствие. И я переключилась на лошадей.

Плохо, видимо, переключилась, потому что забыла про эту чертову Эйфорию. Может быть, еще продолжала рассеянно следить, не появится ли директор, а того все не было. Я окончательно сформулировала мнение о себе самой, поднялась, проверила, не появился ли директор, и с мрачной решимостью принялась использовать в собственных интересах то, что знала о Дерчике, в той мере, какая была мне доступна.

Флориан, на котором должен был ехать Дерчик, а поедет старший ученик Гоморек, носил номер четыре и выглядел замечательно. Я решила играть его с тремя другими лошадьми, триплета я изменить уже не могла, первый номер мне испакостила Эйфория, но последо-

вательностями я еще могла исправить ошибку. Фавориткой во втором заезде была Целия, первый номер, из конюшен распознана слушок, и вся общественность рванулась ставить на Целию. Чихать я хотела на Целию, она мне никогда не нравилась, а ко всяким сплетням у меня испокон веку иммунитет. Я упрямо поставила на то, что хотела, и наконец смогла спокойно усесться, поглядывая одним глазом в сторону директорских кресел.

Пан Эдя, добродушный тяжеловес, исповедовался, что единственный раз в жизни оказался в выигрыше на бегах. Это получилось исключительно благодаря тому, что он выиграл в начале сезона и половину денег одолжил знакомому. Вторую половину он за остаток сезона дочиста проиграл, но то, что одолжил, уцелело, таким образом, он оказался с положительным сальдо.

— А так я всегда в минусе, но не то чтобы очень сильно, — закончил он кротко. — Сейчас играю один-пять за двести.

— Первый заезд, — состроил гримасу полковник на пенсии в штатском. — Так все последовательности можно нарушить.

— Первый не первый, самое главное, что все придут как надо. Целия, почитай, уже за ленточкой!

— Фиг-два за ленточкой! — буркнула я под нос.

Юрек живо обернулся ко мне:

— А ты на нее не ставишь?

— Не ставлю. Помешались на Глебовском...

Бабахнул стартовый пистолет, все стали таращиться на противоположную сторону беговой дорожки, где в стартовые машины как раз входили молодые арабские лошади. Две не желали входить, одна удрала назад, и за ней гнался молодой конмальчик. Те, кто не взял бинокль, терзали тех, что с биноклями:

- Это который, панове? Что там сбежало?
- Четверка, Флориан...
- Да какая там четверка, четверка красная! Фиолетовое что-то удрало!
- Стшегом!
- Не Стшегом, а Двуйницкий!
- Но там еще что-то не желает влезать! Тоже красное. Что там у нас красное?
- Это Видзув, единичка. Единичка и семерка. Тшаска уже вошла!
- Какая это лошадь, Тшаска? — услышала я за спиной отчаянный шепот.

Я оглянулась. Позади меня сидела очень красивая девушка, совершенно незнакомая, наверное, она была тут в первый раз. Рядом с ней сидел один из игроков, который так засмотрелся на старт, что не слышал вопроса.

— Тшаска — это не лошадь, — сердобольно объяснила ей я. — Это тренерша.

— Замечек снова сбежал! — крикнул кто-то с биноклем.

— О боже милосердный, я совершенно ничего не понимаю, — беспомощно сказала девушка сзади. — Замечек?

Пока лошади толпились на старте перед машинами, я могла объяснять ей все что угодно.

— Замечек — это тоже не лошадь. Это жокей. Лошадь зовут Мимоза. И сидит на ней вовсе не Замечек, а жокей-любитель Брысь.

— Так почему они?..

— А коней узнают по цветам. У каждой конюшни свой цвет, так одеты жокеи. Они привыкли к Замечеку на Двуйницком ипподроме, а говорят все вместе и суматошно: фамилии тренеров, жокеев, названия коню-